

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРУДНОСТЬ
(на материале повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» и ее переводов
на украинский и польский языки)

Стаття присвячена аналізу іношомовних вкраплень та труднощів, які виникають під час їх перекладу, зокрема на мову самого вкраплення. Також представлено різні прийоми, якими користувалися перекладачі з метою відтворення такої особливості оригіналу.

Ключові слова: переклад, іношомовні вкраплення, перекладацька домінанта, «чужість».

Статья посвящена рассмотрению иноязычных вкраплений и трудностей, которые возникают при их переводе, в частности на язык самого вкрапления. Также представлены различные приемы, которыми воспользовались переводчики с целью воссоздания данной особенности оригинала.

Ключевые слова: перевод, иноязычные вкрапления, переводческая доминанта, «чуждость».

The article deals with the analysis of foreign inclusions and the difficulties they cause in translation, particularly in translation into the language of these inclusions. The article also represents different methods used by translators in order to render this original text feature.

Key words: translation, foreign inclusions, dominant in translation, «foreignness».

На современном этапе особое внимание уделяется вопросу межкультурной коммуникации, которая осуществляется посредством переводных текстов, как одному из наиболее важных и неотъемлемых компонентов процесса перевода. Исследователи сходятся во мнении, что культурная информация, содержащаяся в тексте оригинала, должна быть в максимально возможной мере адекватно воссоздана в тексте перевода и донесена до читателя таким образом, чтобы она была в максимально возможной мере адекватно им воспринята.

Культурная информация в тексте оригинала находит свое воплощение в конкретных языковых средствах и авторских приемах, которые намеренно вводятся в произведение с целью создания необходимого эффекта. Одним из таких средств являются иноязычные вкрапления. С. Влахов и С. Флорин отмечают, что в лингвистической литературе встречаются разные термины, называющие данное явление: «иностранный слове», «чужое слово», «варваризм», «экзотизм», «макаронизм», «заимствованное слово» и другие. В польскоязычной литературе встречаем термины *wtręty obcojęzyczne* и *barbaryzmy*. Однако мы в нашей работе принимаем термин «иноязычное вкрапление», который С. Влахов и С. Флорин определяют как «слова и выражения [...] на чужом для подлинника языке или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда – оттенка комичности или иронии» [1: 332–334].

Иноязычные вкрапления в большинстве своем рассматривались с точки зрения элемента третьей культуры, который помогает создать специфический колорит и/или является средством характеристики персонажей, составляющим элементом их целостного образа. Таким образом, иноязычные вкрапления вызывают у читателя впечатление «чуждости», не свойственности его собственной культуре. Данный вопрос рассмотрен в работах Р. Левицкого: ученый утверждает, что потенциальная «чуждость» является одним из видовых признаков переводного текста [2: 32]¹. Нас, однако, интересует несколько иной аспект данного вопроса, а именно «чуждость» как характерная черта текста оригинала, а также при помощи каких средств и с какой целью она создается, и как с этим справляется переводчик.

На наш взгляд, «чуждость» в оригинальном тексте играет одну из главных ролей, и ей должно быть уделено должное внимание со стороны переводчика. Другими словами, «чуждость» должна стать одной из переводческих доминант² при воссоздании текста на другом языке. Следует согласиться с мнением А. Беднарчик относительно того, что каждый переводчик и исследователь перевода определяют свою субъективную доминанту перевода, при этом доминанта критика может существенно отличаться от доминанты переводчика [3: 14–17]. Поэтому данный вопрос также представляет для нас интерес в наших дальнейших исследованиях.

Возвращаясь к иноязычным вкраплениям, отметим, что они являются одним из средств создания впечатления «чуждости» у читателя оригинала. Кроме самого явления как такового, нас интересует, каким образом складывается судьба иноязычных вкраплений, особенно при переводе текста на язык самого вкрапления. Данный аспект был затронут в работе А. Беднарчик³, а также подобный вопрос ставят С. Влахов и С. Флорин, но не дают на него четкого ответа. Ученые, придерживаясь «рецепта» И. Левого, утверждают, что намеки на чужеродность речи являются «неизбежными при переводе произведения на язык самого вкрапления» [см.: 1: 337]. Сложность состоит в том, что иноязычные вкрапления, попадая в среду языка своего происхождения, могут в нем «раствориться» и стать незаметными. Соответственно они могут утратить свою выполняемую в оригинале функцию. В качестве примера выхода из подобной ситуации С. Влахов и С. Флорин приводят перевод романа Л. Толстого «Война и мир» на французский язык, где переводчик дает все французские отрезки текста курсивом и оговаривает это в примечании [1: 340–341].

На наш взгляд, в переводоведческой литературе уделено недостаточно внимания вопросу перевода иноязычных вкраплений на язык самого вкрапления и возникающим при этом трудностям, поэтому считаем целесообразным рассмотреть данный аспект более детально.

---

¹ «potencjalna obcość jest jedną z cech gatunkowych tekstów tłumaczonych» - перевод О.Ч.

² Вслед за А. Беднарчик термин «переводческая доминанта» (*dominanta translatoryczna* – перевод О.Ч.) используем в значении элементов оригинала, которые занимают в нем наиболее значимые позиции в плане наполненности различного рода информацией (когнитивной, эмоциональной, эстетической и др.) и на которые переводчику следует обратить первоочередное внимание [3: 13].

³ Рассматривается пример перевода польского вкрапления при переводе текста на польский язык [4: 113].

В нашей статье предпринимается попытка проанализировать, какое место занимают иноязычные вкрапления в тексте оригинала, какие функции они выполняют и каким образом передаются при переводе. Данные вопросы рассмотрим на примере повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» и переводов данного произведения на украинский и польский языки. Нами были рассмотрены переводы А. Хуторяна и Н. Садовского на украинский, а также перевод А. Земного на польский язык.

Для начала следует отметить, что текст повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» весьма насыщен различного рода культурной информацией, которая выражается как лексическими, так и грамматическими средствами. И должное место среди них занимают именно иноязычные вкрапления. Несмотря на то, что в количественном отношении данная лексическая группа относительно небольшая (нами найдено 22 единицы), эти слова достаточно несложно заметить, и можно без сомнения предположить, что они будут видны обычному русскоязычному читателю. Кроме того, эффект экзотичности, создаваемый иноязычными вкраплениями, подкрепляется в тексте изобилием маркированной лексики (разговорной, устаревшей, просторечиями, реже книжными или поэтическими элементами) и реалонимом⁴. В большинстве своем иноязычные вкрапления вводятся автором в прямую речь персонажей, что способствует созданию аутентичного образа героев, формированию их речевой характеристики, воссозданию национального колорита. Стоит также отметить, что большая часть иноязычных вкраплений, встречающихся в тексте, по разным причинам может быть понятна русскоязычному читателю (схожесть с русской лексической единицей; композит, частью которого также является русская лексема; выстраивание ассоциативной цепочки; фоновые знания), хотя данные единицы отсутствуют в словарях русского языка. Однако есть и такие, которые могут вызвать непонимание. По нашим наблюдениям, все иноязычные вкрапления ставят перед переводчиками трудную задачу, с которой переводчики справляются по-разному.

Рассмотрим некоторые примеры.

На первых страницах повести сталкиваемся со словом *бейбас*, употребленным в прямой речи Тараса Бульбы при обращении к одному из своих сыновей: «А ты, *бейбас*, что стоишь і руки опустил?» [5: 226]. Данное слово отсутствует в словарях русского языка [6; 7]. В словаре современного украинского языка (под ред. В. Бусел) его также нет, однако находим его в словаре Б. Гринченко, где оно подается как синоним к слову *бельбас*, обозначающему большого, неуклюжего человека [9 (1: 78)]. *Бельбас* присутствует также в словаре синонимов украинского языка [10], что наводит нас на мысль, что *бельбас* было более употребительным. Очевидно, украинские переводчики исходили из подобных соображений, так как оба в своем переводе употребили слово *бельбас*⁵, по всей вероятности, полагая, что оно будет понятнее украинскому читателю. Однако такое соответствие утрачивает оттенок экзотичности. В польском тексте переводчик применил эквивалент *drągal*⁶, соответствующий русскому слову в плане семантического наполнения, но также не передающий «чуждости», содержащейся в оригинале.

⁴ Мы используем термин «реалоним», который был введен Н. Зарицким для разграничения реалий-явлений и названий этих реалий [8: 23].

⁵ «А ти, бельбасе, чого стоїш, руки поспускавши?» [11: 7]; «А ти, бельбасе, чого стоїш і руки опустив?» [12: 297].

⁶ «No a ty, drągalu, czego stoisz i ręceś opuścił?» [13:12].

Украинское местоимение *казна-що* подается в русском тексте курсивом, и это дает понять читателю, что перед ним иноязычное слово, о значении которого он может только догадываться. Таким образом, оно явно несет в себе элемент «чуждости». К сожалению, при переводе он снова утрачивается, так как Н. Садовский переносит *казна-що* без каких-либо преобразований, в то время как А. Хуторян подает, как в оригинале, курсивом. Осмелимся предположить, что причина второго переводческого решения читателю может быть не понятна (хотя и является одним из приемов передачи иноязычных вкраплений), поскольку для него такое выделение может лишь значить усиление и/или обращение внимания на семантику данного слова, но не на его экзотичность в тексте оригинала. В польском переводе также употреблен вполне приемлемый фразеологический оборот *szort wie co*, не вызывающий дискомфорта в восприятии польским реципиентом.

Характерным для рассматриваемой повести является то, что иноязычные вкрапления встречаются не только в прямой речи, но и в авторской речи, что может свидетельствовать о сознательном и намеренном введении в текст такого рода единиц с целью придания произведению национально-культурного колорита.

Ярким примером такого вкрапления является слово *навпереймы*: «...Тарас с криком бросился *навпереймы* [быкам]...» [5: 287]. В украинском языке оно обозначает «перетинаючи що-небудь (дорогу, стежку і т. ін.), виходячи назустріч. // У знач прийм, з дав. в. Ужив-ся для позначення напрямку, що перетинає що-небудь, чийсь шлях» [14: 572]. В украинском тексте оба переводчика сохраняют слово без изменений, что приводит к несохранению функции вкрапления. В польском тексте А. Земному также не удалось подобрать однословный эквивалент, который передавал бы колорит оригинала в полной мере, поэтому он прибегает к приему описательного перевода: «...Taras wyskoczył z zasadki razem ze swym oddziałem. Z krykiem *rzucili się ku zwierzętom*...» [13: 91]. Такой вариант, однако, не вызывает заложенных в оригинале ассоциаций.

Украинское слово *коханка*⁷ в текстах переводов на украинский язык также остается в своем исходном оригинальном звучании, что свидетельствует о переводческих потерях. В то время как в польском переводе повести переводчик ввел соответствие *bogdanka*, являющееся стилистически окрашенным (*przestarz. poet. ukochana, wybrana kobieta* [15 (1: 294)]). Для польского читателя оно может быть признаком «давности», другой временной эпохи, а это, полагаем, можно считать способом частичной компенсации (вопрос компенсаций будет также рассмотрен далее).

Еще одним украинским заимствованием является глагол *загадались*: «Хоть весело глядели очи их всех, ...но сильно *загадались* они» [5: 295]. В толковом словаре украинского языка он обозначен стилистической пометой *разговорное* [14: 288] и является синонимом стилистически нейтральным глаголам *задумуватися, замислюватися*⁸. Любопытно, что переводчикам в данном случае не только не удалось передать эффект «чуждости», но, имея также возможность сохранить хотя бы разговорный стиль, оставив в переводе глагол *загадуватися*, они отказываются от такого варианта. Н. Са-

⁷ В данном случае в значении «жінка, що кохає; жінка, яку кохають; кохана» [14: 459].

⁸ *Замислюватися* – починати роздумувати, зосереджено думати про кого-, що-небудь, розмірковувати над чимось. // Поринати у роздуми, віддаватися своїм думкам [14: 311]; *задумуватися* – зосереджено думати, розмірковувати над чимось, про кого-, що-небудь. // *безос.* // Впадати, поринати в задуму, роздуми [14: 296].

довский употребляет глагол *замислилися*, а А. Хуторян – *задумалися*⁹, что приводит к стилистическим потерям. В польском тексте в очередной раз встречаем описательный перевод: «...w oczach było wesele, ... jednak *górować nad tym zaczęła smętna zaduma*» [13: 101].

Поскольку в повести «Тарас Бульба» повествование ведется не только об украинском народе, но и о представителях польской шляхты, в тексте встречаются также вкрапления из польского языка, хотя в количественном отношении они являют собой значительно меньшую группу, всего несколько единиц. Однако считаем необходимым принимать их во внимание в нашем исследовании на правах таких же иноязычных вкраплений, которые могут создавать трудности при переводе на язык своего происхождения.

Так, в прямой речи в тексте встречаем слово *далибуг*: «*Далибуг, я не узнал!*» [5: 280]. Н. Гоголь, понимая, что его значение может быть непонятно русскому читателю, дает в сноске пояснение: «Далибуг – ей-богу (от *польск. dalibóg*)» [5: 280]. В тексте перевода на польский язык А. Земному не удается сохранить экзотичность, так как он просто переносит слово, оставляя его в оригинальном виде и звучании. С другой же стороны, потеря «чуждости» частично компенсируется стилистической окрашенностью *dalibóg*, поскольку в словаре оно подается с пометой *устаревшее* [15 (1: 554)]. Таким образом, у читателя может возникнуть ощущение «несвойственности» современному языку. Украинские переводчики в данном случае решают поставленную задачу по-разному. Н. Садовский вводит редко употребляемое в украинском языке *далебі*, а А. Хуторян употребляет транскрибированное соответствие *далибуг*. Следует отметить, что второе решение кажется нам более удачным, так как *далибуг* отсутствует в толковых словарях украинского языка, а следовательно сохраняет в себе «чуждость» и выполняет функцию экзотизации.

Аналогично со сноской в оригинале дается заимствованное из польского языка слово *цурки*: «цурки – девушки» [5: 318]. Как видим, в данном случае оно функционирует как неосемантизм, поскольку в родном языке оно имеет иное значение. Однако важнее то, что оно сигнализирует читателю о «чуждости» данного элемента. При переводе на язык вкрапления этот эффект переводчику сохранить не удалось. А. Земный оставляет в качестве соответствия *córki*, несмотря на то, что в тексте оригинала оно имело иное семантическое наполнение. Что касается перевода данной единицы на украинский язык, то здесь переводчики разошлись во мнениях. Н. Садовский вполне удачно употребил другое иноязычное вкрапление *кобіти*, которое отсутствует в толковых словарях украинского языка и в словаре синонимов [9; 10; 14], а, следовательно, будет выглядеть для украинского читателя экзотично. А. Хуторян, в свою очередь, переносит в свой текст перевода вкрапление, употребленное Н. Гоголем в оригинале. С одной стороны, переводчик, по всей вероятности, пытался сохранить тот эффект, который создал автор, однако украинский читатель может быть введен в заблуждение, так как слово *цурка* присутствует в украинском языке, имея совершенно иные значения¹⁰. В таком случае считаем, что

⁹ «...хоч весело дивились їхні очі, ... але тяжко замислилися вони» [11: 110]; «Хоч весело дивилися очі їх усіх, ...але дуже задумалися вони» [12: 376].

¹⁰ 1. Короткий обрубок дерева; цурпалок. 2. Невеличка, загострена з одного боку паличка, за допомогою якої в'яжуть снопи, туго скручуючи перевесла. 3. Маленька паличка, яку в сільському одязі використовують як гудзик. 4. Кругла, загострена з двох боків дерев'яна паличка для дитячої гри [14: 1367].

целесообразно было бы оставить в переводе также комментарий автора, чего переводчик, к сожалению, не сделал.

Как видим, иноязычные вкрапления представляют собой переводческую трудность, особенно в том случае, когда текст переводится на язык этих вкраплений. Безусловно, потери в подобной ситуации неизбежны. Однако если переводчик принимает заложённую в оригинале «чуждость» и иноязычные вкрапления как один из элементов ее выражения в качестве переводческой доминанты, то он может попытаться компенсировать эти потери с целью сохранения функциональных характеристик оригинала. Следует отметить, что в качестве компенсаций нас интересовали лексические единицы, которые отсутствуют в словарях украинского или польского языка и могут вызвать у читателя ощущение «чуждости» или даже быть похожими на заимствования из другого языка. Слова, которые в толковых словарях даются с пометой *устаревшее* или *диалектное*, мы не рассматривали как средство компенсации (хотя они тоже могут вызвать у читателя ощущение, что «так не говорят»), поскольку в тексте оригинала также присутствует значительное количество стилистически окрашенной лексики, которая должна быть передана в переводе.

Р. Левицкий выделяет местные и дистанционные компенсации¹¹, то есть те, которые обнаруживаются непосредственно в переводе рассматриваемой единицы и те, которые появляются в другом месте, нежели в тексте оригинала [16: 156]. По нашим наблюдениям, местные компенсации в рассматриваемых переводах повести «Тарас Бульба» практически не выступают (лишь частичные, которые были описаны выше), однако были выявлены дистанционные компенсации.

В переводе Н. Садовского нами обнаружено всего 10 лексических единиц, которые отсутствуют в украинских словарях. При этом 5 из них были «произнесены» персонажами и 5 употреблены в авторской речи, в то время как в оригинале большинство иноязычных вкраплений появлялось в речи героев повести. Что касается семантики данных слов, то, на наш взгляд, у читателя может возникнуть сомнение относительно значения трех единиц: *ачей*, *достохвальність*, *вдатність*. Остальные слова (например: *лизії*, *кружкомма*, *звелелюднили*, *фіялкові*) могут быть вполне понятными. Более того, несмотря на то, что таких слов нет в словаре, у читателя может лишь возникнуть ощущение «странности», но он не заподозрит их в «чуждости», так как они были в незначительной степени изменены переводчиком.

В переводе А. Хуторяна нами было найдено 11 единиц, отсутствующих в словарях украинского языка. В данном случае нами зафиксировано всего 2 единицы, которые были употреблены в прямой речи: *беззаконство* и *стоги* (что еще больше не соответствует характеристикам текста оригинала). Характерным в переводе А. Хуторяна является то, что большинство рассматриваемых нами лексических единиц являются русизмами (например, *стоги*, *мелькали*, *прихожа*, *сахар*, *ветхий*), то есть они являются иноязычными вкраплениями и могут вызвать у читателя ощущение «чуждости», а, следовательно, выполняют ту же функцию, что в оригинале. Такое переводческое решение кажется нам весьма удачным.

В тексте перевода А. Земного на польский язык нами было найдено 30 единиц, которые отсутствуют в словарях польского языка. Полагаем, что в польском переводе таких

¹¹ Kompensacja miejscowa i dystancyjna – перевод О.Ч.

единиц оказалось значительно больше по той причине, что в оригинале большинство иноязычных вкраплений имели украинское происхождение, поэтому в украинских переводах было сложнее сохранить данную особенность оригинала. Среди интересующих нас лексических единиц в тексте польского перевода были такие, которые вполне «pretendуют на звание» иноязычных вкраплений (например, *baćko, gospodzin, switka, plen* и др.), а также такие, которые были изменены каким-либо образом или являются переводческими неологизмами, но могут быть понятны читателю (например, *piwniki, owcopasy, baboluby, wszakoż, pustogłowy, kartacznicza, taneczник, przybłąkańcy* и др.).

Таким образом, подводя итоги, можем сказать, что иноязычные вкрапления являются средством выражения «чуждости» в тексте оригинала и выполняют функцию экзотизации. Они ставят перед переводчиком непростую задачу, особенно если речь идет о переводе на язык самого вкрапления, поэтому считаем целесообразным отнести их к числу переводческих доминант. Исследование показывает, что в большинстве случаев переводчикам не удается сохранить функцию переводимого иноязычного вкрапления. Попадая в «родную среду», оно становится нейтральным и не вызывает ощущения «чуждости». В редких случаях переводчикам удается передать иноязычное вкрапление стилистически окрашенным соответствием, что можно считать приемом частичной компенсации. Все переводчики в разной мере пытаются компенсировать переводческие потери в других местах в тексте, т.е. дистанционно. С этой целью в тексты переводов они вводят: непосредственно иноязычные вкрапления (русизмы в украинском тексте); переводческие неологизмы, которые могут быть восприняты читателем как иноязычные элементы; в некоторой мере трансформированные слова, при этом часть из них может вызывать сомнения в плане семантической нагрузки, а остальные предположительно вполне понятны адресату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. – М.: «Международные отношения», 1986. – 352 с.
2. Lewicki R. *Obcość w odbiorze przekładu*. – Lublin: Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 176 s.
3. Bednarczyk A. *W poszukiwaniu dominanty translatorskiej*. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008 – 164 s.
4. Bednarczyk A. *Wybory translatorskie: modyfikacje tekstu literackiego w przekładzie i kontekst asocjacyjny*. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1999. – 248 s.
5. Гоголь Н. В. Избранные произведения: В 2-х т. Т. I. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Предисл. О. Гончара. – К.: Дніпро, 1983. – 406 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4 – М.: Рус. яз., 1981–1982.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
8. Зарицький М. С. *Переклад: створення та редагування: Посібник*. – К.: Парламентське видавництво, 2004. – 120 с.
9. Словарь української мови / Упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко : в 4-х т. — Київ: Наукова думка, 1996-1997.

10. Інтегрована лексикографічна система «Словники України», Інститут мовно-інформаційних досліджень НАН України// В.А. Широков, О.Г. Рабулець, І.В. Шевченко, О.М. Костишин, К.М. Якименко. – «Довіра», 2001-2004.

11. Гоголь Микола Повісті. Том 2. Найкращі українські переклади у двох томах./ Переклади з російської за редакцією І. Малковича. – Київ: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2009. – 304 с.

12. Гоголь М. В. Твори: В 3-х т. Т. І. Вечори на хуторі біля Диканьки. Миргород / Перекл. з рос. – К.: Художня література, 1952. – 528 с.

13. Gogol Mikołaj Taras Bulba / Tłum. A. Zienny; Post. Janusz Tazbir. – Warszawa: Czytelnik, 2002. – 168 s.

14. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ „Перун”, 2004. – 1440 с.

15. Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. Prof. Stanisława Dubisza. – Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2003.

16. Lewicki R. Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej. – Lublin: UMCS, 1986. – 221 s.

УДК 81'25:81'38:81'42

*Шапошник О.М.
(Херсон, Україна)*

**ПРОБЛЕМА ЗБЕРЕЖЕННЯ ТЕКСТ-ТИПОЛОГІЧНИХ ОЗНАК
ОРИГІНАЛУ У ПЕРЕКЛАДІ ДИТЯЧОЇ ЛІТЕРАТУРИ**
(на матеріалі оригіналу та перекладу тексту Йоуна Колфера «Артеміс Фаул»)

Стаття присвячена проблемі відтворення текст-типологічних ознак твору Йоуна Колфера «Артеміс Фаул» у перекладі. Визначається жанрова приналежність досліджуваного твору як тексту з елементами фентезі та наукової фантастики. У рамках статті проводиться перекладознавчий аналіз з метою встановлення ступеня відтворення текст-типологічних ознак оригіналу у перекладі; висвітлюється природа перекладацьких помилок.

Ключові слова: *текст-типологічні ознаки, текст з елементами фентезі та наукової фантастики, переклад, характерологічний контекст, лексико-семантичний контекст, дитяча література.*

Стаття посвячена проблеме воспроизведения текст-типологических характеристик произведения Йона Колфера «Артемис Фаул» в переводе. Жанровая принадлежность исследуемого произведения определяется как текст с элементами фэнтези и научной фантастики. В рамках статьи проводится переводоведческий анализ с целью установить степень воспроизведения текст-типологических признаков оригинала в переводе; освещается природа переводческих ошибок.

© Шапошник О.М., 2012